

Заозерский Н. А. Юридическое и каноническое значение религиозного элемента в раскольничьем браке: [По поводу ст.: Бердников И. Заметка о раскольничьем браке] // Богословский вестник 1896. Т. 1. № 2. С. 336–349 (2-я пагин.). (Окончание.)

Юридическое и каноническое значеніе религіознаго элемента въ раскольничьемъ бракѣ.

(окончаніе.)

Для полнаго и всесторонняго уясненія сущности дѣла, для устраненія всякихъ недоразумѣній и недомолвокъ слѣдуетъ поставить и попытаться рѣшить еще одинъ вопросъ, а именно слѣдующій: какъ должно смотрѣть на тотъ гражданскій актъ, который по закону 1874 года обязаны производить полицейскіе и волостные чиновники -- и который въ законѣ называется просто записью брака въ метрическую книгу?

Какъ читатель могъ замѣтить, въ приведенныхъ выше мнѣніяхъ двухъ профессоровъ права (т. е. Н. С. Суворова и И. С. Бердникова) по этому предмету есть нѣкоторая разность. Проф. Суворовъ говоритъ, что этотъ актъ есть только *регистрація* брака; проф. Бердниковъ видитъ не только регистрацію, но и *удостовереніе* событія брака, а въ своемъ курсѣ церковнаго права прямо приравниваетъ этотъ актъ *обыску*, производимому церковнымъ причтомъ. Мы склоняемся болѣе въ сторону проф. Бердникова, но не вполне: по нашему мнѣнію мало назвать этотъ актъ не только регистраціею, но и удостовѣреніемъ брака. Въ своей статьѣ (Что такое раскольничій бракъ) мы приравняли этотъ актъ—узаконенію (легитимаци) незаконно-рожденныхъ дѣтей. Мы развили тамъ ту мысль, что этимъ актомъ раскольническое подобобрачное сожитіе превращается въ законный бракъ въ гражданскомъ отношеніи; т. е. бывшіе дотолѣ незаконные сожители приобрѣтають этимъ актомъ

гражданскія права *мужа* и *жены*, а ихъ незаконныя дѣти (если они есть) приобрѣтаютъ всѣ права *законныхъ дѣтей*. Но тамъ мы высказали это мнѣніе съ нѣкоторою нерѣшительностію; теперь же, взвѣсивъ тщательно все, что по этому поводу написалъ противъ насъ проф. Бердниковъ, мы вполне убѣдились въ вѣрности своего мнѣнія и желали бы выслушать голосъ о немъ нашихъ специалистовъ—гражданскаго права.

Опредѣливъ такъ юридическую природу гражданского акта, устанавливаемого закономъ 1874 г. 19 Апр., мы легко теперь уяснимъ и тѣ свойства, которыми форма *нашего гражданского брака* отличаются отъ западно-европейской его формы.

По западно-европейскимъ законодательствамъ форма гражданского брака строго выдерживаетъ характеръ *гражданскаго договора* нуптуріентовъ или брачующихся и начало гражданского брака полагается актомъ совершенія этого бракозаключительнаго договора. Контрагенты (женихъ и невѣста) являются къ установленному для сего гражданскому чиновнику и предъ нимъ совершаютъ свой брачный договоръ или контрактъ. Чиновникъ удостоверяется въ ихъ правоспособности, въ ихъ свободномъ проявленіи воли на совершеніе этого акта, укрѣпляетъ условленныя ими имущественныя обязательства (относительно приданаго), выясняетъ имъ права и обязательства супруговъ, опредѣляемые гражданскимъ кодексомъ и объявляетъ ихъ *мужемъ* и *женою*, предоставляя ихъ волѣ—освятить ли свой бракъ *религиознымъ обрядомъ*, или же прямо съ этого момента фактически осуществлять права мужа и жены.

Этотъ актъ есть такимъ образомъ *бракозаключительный актъ* съ собственномъ смыслѣ.

Нашимъ закономъ 1874 г. 19 Апр. устанавливается *почти такой же* гражданскій актъ для раскольникяго брака. И наше полицейское или волостное управленіе удостоверяется въ брачной правоспособности нуптуріентовъ, опредѣляемой статьями 3, 4, 5, 12 и пр. свода *гражданскихъ законовъ* (т. е. что они *побрачились* въ законныхъ лѣтахъ, въ здоровомъ умѣ, съ взаимнаго согласія и проч.) и удостоверяется не только чрезъ личныя ихъ показанія, но и чрезъ свидѣтельство ихъ поручителей и *всѣхъ* желающихъ показывать

о препятствіяхъ къ браку, за тѣмъ—вносить въ метрическую книгу этихъ нуптуріентовъ *мужемъ и женою*, не входя при этомъ въ изслѣдованіе того, *при какихъ религіозныхъ или бытовыхъ обрядахъ началось сожитіе брачующихся.*

Отсюда ясно, что нашъ гражданскій актъ для раскольничьяго брака есть *не бракозаключительный актъ, а провѣрочный актъ*; но результатъ двухъ сравниваемыхъ

¹⁾ Во имя истины и совѣсти почитаю себя обязанными сознаться въ грубой ошибкѣ, допущенной въ прежней нашей статьѣ по этому вопросу. Именно на стр. 274 Богослов. Вѣстн. 1895 г. Февр. мы помѣстили слѣдующія строки: „процедура записи раскольничьяго брака представляетъ собою цѣлый ритуаль, выполняемый съостнѣтствующій оглашенію и обыску совершаемымъ въ православной церкви, ритуаль, совершаемый гражданскими чиновниками, но въ то же время *этотъ ритуаль въ глазахъ закона имѣетъ большое значеніе — значеніе бракозаключительнаго процесса*“. Послѣднія подчеркнутыя слова признаемъ своею ошибкою и беремъ ихъ назадъ. Однако тотъ же долгъ совѣсти ради *полемическихъ интересовъ* побуждаетъ насъ сказать, что къ признанію этой ошибки мы пришли отнюдь не благодаря статьѣ проф. Бердникова. Совершенно наоборотъ: мы даже пріятно удивлены, что г. Бердниковъ, изыскавшій во множествѣ поводы обличить насъ въ разныхъ „противорѣчіяхъ“ и „сѣттанности“ (хотя и тщетно) не замѣтилъ этого нашего промаха и не обличилъ насъ въ дѣйствительной ошибкѣ. Удивлены тѣмъ болѣе пріятно, что г. Бердниковъ, *минуя* эти строки наши, *напалъ* на непосредственно слѣдующія и *совершенно невинныя строки*, назвалъ онъ слѣдующимъ образомъ: „проф. Заозерскій обращаетъ вниманіе на процедуру записи раскольничьяго брака и говорить, что она представляетъ собою цѣлый ритуаль, который *почти* ни сколько не уступаетъ бракозаключительному акту гражданского брака; не достаетъ здѣсь для сего только обращенія къ брачущемуся со стороны чиновника (съ вопросомъ): имѣютъ ли они добровольное желаніе вступить въ бракъ и обѣщаютъ ли быть вѣрными другъ другу“.—„*Легко сказать*—укоряетъ насъ г. Бердниковъ—опущена самая важная и существенная часть бракозаключительнаго ритуала, наблюдающагося при совершеніи гражданского брака!.. Но *эта мелочь не смущаетъ проф. Заозерскаго и онъ продолжаетъ*: „но въдъ это само собою предполагается здѣсь и т. д. (стр. 199 Прав. Собесѣдн. окт.). Ударъ — какъ видитъ читатель — направленъ былъ сильный и *едва—едва не попалъ въ цель*, но тѣмъ не менѣе послѣдовалъ *промахъ* со стороны нападающаго. Ошибка моя не въ томъ, будто я считаю *мелочью отсутствіе вопроса* о добровольномъ желаніи вступить въ бракъ: этотъ вопросъ необходимо предполагается и задается, по силѣ ст. 12 Свод. т. X, а въ томъ, что самый актъ я назвалъ *бракозаключительнымъ процессомъ*, да еще *въ глазахъ закона*: это, вотъ, дѣйствительно грубая ошибка; но г. Бердниковъ ее-то и не примѣтилъ. Выходитъ такимъ образомъ, что—онъ по послонитѣ—гонялся за мухою съ обухомъ, а слона-то и не замѣтилъ....

актовъ одинъ и тотъ же—*легитимация* брака съ его гражданской стороны или установленіе гражданского брака нуптуріентовъ. Различіе только въ томъ, что на западѣ въ гражданское установленіе являются *женихъ* и *невеста* съ цѣлію узаконить граждански *предполагаемый* ими бракъ, а у насъ въ гражданское установленіе являются незаконные сожители (иногда успѣвшіе уже прижить незаконныхъ дѣтей) съ цѣлію узаконить граждански фактически уже начавшееся брачное (или точнѣе подобобрачное) сожитіе. Такимъ образомъ начало сожитія граждански-брачной четы по нашему закону совершается *въ закона* и узаконяется уже впоследствии, а по западноевропейскому закону *фактическое супружеское сожитіе предваряется узаконеніемъ*, или юридическимъ его признаваніемъ.

Въ этомъ *только и единственно существенная разность* между нашимъ раскольничьимъ гражданскимъ бракомъ и *западно-европейскимъ обязательнымъ гражданскимъ бракомъ*, обязательнымъ для всѣхъ подданныхъ, при факультативности (необязательности) церковнаго или вѣроисповѣднаго брака. Уничтожьте эту разность—т. е. предоставьте раскольникамъ жениху и невестѣ право предварительно домашняго сговора и обрядоваго, религіознаго (въ домѣ или часовнѣ) начала подобобрачнаго сожитія явиться въ волостное или полицейское управленіе и совершить тамъ вышеописанный актъ, а за тѣмъ право справлять или не справлять какіе угодно раскольничьи религіозные или бытовые брачные обряды—тогда получится и у насъ совершенно тождественный съ западно-европейскимъ гражданскій бракъ.

Но пока этого права еще не предоставлено и русская форма гражданского брака сохраняетъ во всей силѣ свою типическую особенность отъ западно-европейскаго.

Какъ же однако судить о тѣхъ религіозныхъ и бытовыхъ обрядахъ, которыми зачинается подобобрачное сожитіе раскольничьей четы? Ужели оно не привноситъ никакого нравственнаго элемента въ гражданско-супружескія отношенія этой четы?

Для удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса должно обратить вниманіе на двѣ стороны въ понятіи о бракѣ: религіозно-нравственную и гражданскую. Въ несоизмѣрномъ

Большинствѣ люди видятъ въ бракѣ не только удовлетвореніе требованій *природы* и, конечно, свободнаго человѣческаго самоопредѣленія къ совмѣстной жизни, но и прямую заповѣдь Божию, исполненіе прямого божественнаго велѣнія. Только полудикія племена, живущія почти животною жизнію, способны видѣть въ бракѣ лишь удовлетвореніе извѣстнаго инстинкта; только крайніе атеисты, встрѣчающіеся все таки единицами среди культурныхъ народовъ, раздѣляютъ этотъ взглядъ полудикихъ на бракъ. По истинѣ—это исключительное возрѣніе не многихъ; въ общемъ же бракъ есть сколько установленіе природы, столько же и установленіе Божества. Сообразно волѣ Божіей и во имя Божіе должно совершаться вступленіе въ бракъ и все продолженіе брачной жизни. Эта религіозная сторона брака уходитъ всецѣло въ вѣдѣніе церковной іерархіи или въ вѣдѣніе священства или жречества, признаннаго въ государствѣ вѣроисповѣданія. Христіанскій священникъ, еврейскій раввинъ, мугаметанскій мулла и проч. *духовныя лица*, признаваемые въ *этомъ качествѣ* (т. е. духовныхъ лицъ) и суть единственно компетентныя оффиціальныя лица для религіознаго освященія брака и *для удостовѣренія* его религіознаго характера. Можно съ полною увѣренностью сказать, что еще не существовало и не существуетъ такого государства, которое почитало бы компетентными для этого удостовѣренія не духовныхъ лицъ, а какихъ либо своихъ чиновниковъ, или какія либо свои учрежденія. Имѣя это въ виду, теперь легко рѣшить вопросъ о значеніи религіозно-нравственнаго элемента въ раскольничьихъ бракахъ. Насколько дѣло идетъ о *субъективномъ* сознаніи этого религіознаго значенія брака, оно, конечно, присуще и живущимъ въ бракѣ раскольникамъ, по крайней мѣрѣ большинству. Понятно отсюда и желаніе нашего правительства, чтобы раскольники полагали начало своимъ бракамъ *молитвою и благословеніемъ*, чтобы по крайней мѣрѣ въ субъективномъ сознаніи своемъ они почитали свой брачный союзъ крѣпкимъ и неразрушимымъ не только въ силу гражданскаго такъ сказать закрѣпленія его, но и въ силу требованій *совѣсти* почитали его исполненіемъ воли Божіей, обѣщаніемъ, даннымъ ими предъ Богомъ. Но наши раскольники *совершенно лишены возможности юридически доказать, или юриди-*

чески удостоверить эту нравственно-религиозную сторону своего брака, потому что не имѣютъ компетентныхъ для сего лицъ, т. е. духовенства, въ семь качествъ признаннаго государствомъ. Между тѣмъ по логикѣ проф. Бердникова (и отчасти г. Кони) выходитъ, что и въ глазахъ закона раскольничій бракъ чрезъ запись въ метрическую книгу полицейскаго или волостнаго управленія получаетъ удостовѣреніе о своей религіозно нравственной сторонѣ, — становится вѣроисповѣднымъ бракомъ: но вѣдь признать это, значитъ признать полицейское и волостное правленія учрежденіями официально-компетентными для составленія официальныхъ опредѣленій по чисто церковнымъ вопросамъ и дѣламъ. Но до такой нелѣпости не дойдетъ вѣроятно и самый невѣжественный раскольникъ.

Но въ бракѣ есть и гражданская сторона. Сюда относятся: брачная гражданская правоспособность (возрастъ, согласіе родителей, иногда опекуновъ, дозволеніе начальства, если женихъ — должностное лице), иногда имущественный цензъ), приобрѣтеніе чрезъ бракъ сословныхъ правъ (для жены), или имущественныхъ (приданое и разныя иныя условія, напр. предбрачный даръ, по римскому праву) и т. п. Эти стороны брака сообщаютъ ему значеніе *гражданскаго института*, т. е. такого *жизненнаго отношенія*, которое для юридическаго признанія должно удовлетворять требованіямъ ясно *въ гражданскомъ кодексѣ* опредѣленнымъ. Въ силу такого соединенія въ бракѣ элементовъ религіозно-нравственнаго и гражданскаго и произошло то, что въ христіанскихъ государствахъ какъ напр. въ древней Византіи и въ настоящее время въ западно-европейскихъ государствахъ та и другая сторона брака удостовѣряются двумя учрежденіями церковнымъ и гражданскимъ. Такъ въ древней Византіи до X вѣка церковному обрученію и церковному браку, совершавшимся формою священнаго обряда пресвитеромъ, предшествовали гражданскіе акты обрученія и брака — акты имѣвшіе форму обыкновеннаго контракта ¹⁾. Подобнымъ образомъ дѣло обстоитъ въ настоящее время въ западно-европейскихъ государствахъ, гдѣ введенъ обязательный гражданскій бракъ. Женихъ и невѣста должны прежде всего

¹⁾ Эти формы обрученія и брака можно видѣть въ нашей печатной кормчей книгѣ гл. 48 и 49.

явиться къ гражданскому чиновнику и здѣсь совершить актъ брачнаго договора; за тѣмъ—если они желаютъ—являются къ священнику своего вѣроисповѣданія, который формою священнаго обряда и налагаетъ такъ сказать печать божественности на ихъ гражданскіе акты.

Но поелику въ глазахъ христіанскаго государства первая сторона брака (т. е. религіозно-нравственная) выше второй (гражданской) и поелику въ служителѣ религіи (тѣмъ болѣе въ христіанскомъ священникѣ) необходимо предполагается лицо по нравственнымъ качествамъ и умственному развитію заслуживающее правительственнаго довѣрія: то въ видахъ вѣшняго удобства государство (какъ въ Византіи съ X в. такъ и до настоящаго вѣка во всей Европѣ), уполномочиваетъ и въ настоящее время самихъ же духовныхъ лицъ, совершающихъ священныя обряды вѣнчанія и на совершеніе гражданскаго акта удостовѣряющаго гражданскую законность вѣнчаемаго ими брака. Такимъ образомъ священникъ (или причтъ) совмѣщаетъ въ себѣ и должность государственнаго чиновника, совершающаго чисто гражданскій актъ. Ибо что такое нашъ церковный обыскъ, совершаемый приходскимъ причтомъ, какъ не актъ, удостовѣряющій законность брака въ гражданскомъ отношеніи?!...

Отсюда понятно, что пока наши раскольники и баптисты не пользуются—по выраженію проф. Берднкова—правами публичныхъ корпорацій, т. е. пока раскольническіе лже-епископы, лжесвященники (лучшее бы называть ихъ анти-епископами, антипопами) не признаны въ такомъ качествѣ, не можетъ быть и рѣчи о бракѣ раскольниковъ какъ *вѣроисповѣдномъ бракѣ*. Не можетъ быть рѣчи потому, что у раскольниковъ нѣтъ священника, нѣтъ епископа: въ глазахъ нашего закона божественную службу у нихъ совершаетъ *не священникъ*, не духовное лицо, *а крестьянинъ, мѣщанинъ, купецъ или солдатъ*: но неужели этихъ мірянъ, или этихъ гражданъ—если угодно—законъ нашъ можетъ признать лицами компетентными на совершеніе священнаго обряда брака и на удостовѣреніе религіозно-нравственнаго характера брака? Они для сего столько-же компетентны, какъ частный приставъ или волостной старшина съ волостнымъ писаремъ.

Такимъ образомъ закономъ 1874 года 19 Апр. у насъ

введено гражданское учрежденіе компетентное для удостовѣренія только гражданской стороны раскольниковьяго брака, но отнюдь *не религиозной*: удостовѣрить послѣднюю раскольники не имѣютъ въ глазахъ закона никакой возможности.

„Исполненіе соблюдаемыхъ между раскольниками брачныхъ обрядовъ, предшествовавшихъ записи брака не подлежитъ вѣдѣнію полицейскихъ чиновъ, ведущихъ метрическую запись“—категорически заявляетъ законъ 19 Апр. 1874 г. Заявленіе, свидѣтельствующее сколько о гуманности, столько и о мудрости законодателя. Ибо, по истинѣ было бы жестокостью уполномочивать полицейскаго чиновника правомъ производить дознаніе въ чисто нравственной области и весьма нераціонально—судьею религиозной совести и значенія священнаго обряда назначить частнаго пристава или волостнаго старшину. Но это гуманное и мудрое отклоненіе государственной администраціи отъ обсужденія и оцѣнки религиозно-нравственной стороны раскольниковьяго брака тѣмъ болѣе, тѣмъ настойчивѣе должно побуждать православную іерархію какъ можно внимательнѣе относиться къ этой именно сторонѣ раскольниковьяго брака именно въ случаѣ обращенія побрачившихся раскольниковъ къ православной церкви. Конечно церковь въ обсужденіи этого предмета должна основываться на церковныхъ канонахъ. Такъ возникаетъ естественно вопросъ *о каноническомъ* значеніи религиознаго элемента въ раскольниковьемъ бракѣ. Въ своей статьѣ: „что такое раскольниковій бракъ?“ мы коснулись этого вопроса и въ самыхъ *ясныхъ* положеніяхъ выразили свои сужденія по этому предмету. Проф. Бердниковъ въ своей полемической статьѣ противъ насъ высказался объ этихъ нашихъ сужденіяхъ слѣдующимъ образомъ: „Въ судебномъ процессѣ (А. Парѣнова) коснулись (вопроса объ отношеніи православной церкви къ бракамъ раскольниковъ) вскользь. *За то съ особеннымъ вниманіемъ остановился на немъ проф. Заозерскій... Къ сожалѣнію только его воззрѣнія въ этомъ случаѣ отличаются еще болѣею спутанностію чѣмъ въ первомъ вопросѣ“* ¹⁾.

¹⁾ Правосл. Собесѣдн. Окт. стр. 203.

По поводу столь жестокаго приговора почитаемъ необходимымъ ограничиться только слѣдующимъ замѣчаніемъ: въ этой части своей статьи мы были всего менѣе самостоятельны въ своихъ сужденіяхъ; мы ограничились изложеніемъ *каноническаго воззрѣнія православной церкви и дѣйствующей церковной практики*. Нашъ жестокій судія въ своемъ полемическомъ увлеченіи, желая уязвить насъ, на самомъ дѣлѣ совершилъ хотя и невольный, но в. тяжкій грѣхъ противъ началъ той науки, оберегать интересы и принципы которой составляетъ его прямой и священный долгъ.

Мы увѣрены, что безпристрастный читатель не найдетъ въ выраженныхъ нами воззрѣніяхъ по этому предмету никакой „спутанности“: они совершенно ясны, просты, чужды темноты и противорѣчій. По этому, не отступая отъ нихъ ни на шагъ, мы ограничимся лишь нѣкоторыми дополнительными къ нимъ соображеніями и разъясненіямъ нерациональности воззрѣній проф. Бердникова, выраженныхъ имъ въ противовѣсъ нашимъ воззрѣніямъ, яко бы правильныхъ и не спутанныхъ.

Законъ 1874 года устранивъ полицейскихъ и волостныхъ чиновниковъ отъ вмѣшательства въ обряды раскольниковъ даруетъ одинаковыя права всѣмъ раскольничьимъ бракамъ, независимо отъ того, *какого рода* обрядовъ и какого рода догматическихъ воззрѣній на браки держатся раскольники. По закону, гражданской легитимации можетъ быть удостоенъ каждый раскольничій бракъ лишь доказано было бы, что брачующіеся принадлежатъ къ раскольникамъ *съ дѣтства*.

Можетъ ли православная церковь относиться съ такимъ же *безразличіемъ* къ этой сторонѣ раскольничьихъ браковъ, съ какимъ относится государство?—Не только можетъ но и должна—утверждаетъ проф. Бердниковъ.—Всего менѣе—утверждаемъ мы. Въ основаніе этого представляемъ слѣдующія соображенія.

Между раскольниками разныхъ толковъ въ разсужденіи воззрѣній на бракъ и обрядовъ заключенія его наблюдается глубокое различіе. Одни изъ раскольниковъ смотрятъ на бракъ какъ на таинство и бракосочетаніе совершаютъ древне-церковнымъ чинамъ вѣнчанія (т. е. почти тождественнымъ съ церковнымъ чиномъ); другіе смотрятъ на бракъ

какъ *на зло*: „Федосѣевская новоженка только передъ міромъ *жена*, но передъ Богомъ *блудница*. Поэтому она и носить названіе не жены, а домохозяйки, стряпухи, товарки, хозяйки дома“ (значить, это — римскій конкубинатъ?) Средину между этими крайними воззрѣніями занимаетъ весьма распространенное, по которому бракъ можетъ быть и безъ іерархическаго благословенія, можетъ быть безгрѣшнымъ, — „*безсвященнословный бракъ*“ (т. е. гражданскій) ¹⁾.

Такимъ образомъ изъ всей массы раскольниковъ браковъ, удостовѣряемыхъ съ гражданской стороны въ государственныхъ учрежденіяхъ, только *одна треть* можетъ быть признана церковью, *конечно при обращеніи къ ней брачующихся*, браками соотвѣтствующими ея воззрѣнію на богоучрежденность и святость брачнаго союза; другая треть — и по сознанію самихъ брачующихся — *безсвященнословный бракъ*, т. е. *не удостоенный религіознаго освященія*, послѣдняя треть браковъ есть нѣчто совершенно антихристіанское — есть воплощеніе манихейства. Ясное дѣло, что православная церковь принимая въ общество вѣрныхъ чадъ своихъ эти разнообразныя по нравственному достоинству супружества, должна своими спасительными средствами восполнить недостающее, недоконченное исправить, прямо чуждое духу ея исторгнуть съ корнемъ, и на мѣсто его влить новый духъ и так. обр. возродить и обновить въ изуродованныхъ антисупружескихъ отношеніяхъ благолѣпный образъ христіански-супружескаго союза во образъ союза Христа и Церкви. „*Во брацѣхъ не токмо повелѣнное* (т. е. дозволенное гражданскими законами), *но и благолѣпное взыскаемъ*“ — таково всегдашнее неизмѣнное отношеніе Православной церкви къ гражданскому браку; т. е. *только юридически признанному законнымъ*.

Въ своей статьѣ мы и указали, основываясь на церковныхъ правилахъ и церковной практикѣ разные способы церковнаго признанія и освященія раскольниковъ браковъ.

Проф. Бердниковъ не рассмотрѣвъ дѣла по существу и не оцѣнивъ всей глубокой важности его обязываетъ православную церковь держаться слѣдующихъ положеній:

¹⁾ На эти воззрѣнія нами было указано въ нашей статьѣ Что такое раскольниковый бракъ? См. Февр. кн. Богосл. Вѣстн. стр. 265—267.

а) „Какъ *принято въ законъ* относительно иновѣрцевъ—христіанъ и не христіанъ, — такъ и относительно различныхъ раскольничьихъ сектъ *не долженъ быть принимаемъ во вниманіе религиозный обрядъ заключенія брака*, какъ обстоятельство вліяющее на сравнительное достоинство брачнаго союза; *только бы раскольническій бракъ*, по условіямъ его заключенія, *не противорѣчилъ нормамъ, установленнымъ въ законъ для законныхъ браковъ“* ¹⁾.

б) „Раскольническіе браки, признаваемые законными въ гражданскомъ законѣ, *не нуждаются въ узаконеніи* посредствомъ *церковнаго вѣнчанія*.... Къ такимъ раскольническимъ бракамъ относятся: а) браки, внесенные въ раскольническія метрическія книги установленнымъ порядкомъ; б) браки раскольническіе записываемые въ сказкахъ десятой ревизіи (Св. Зак. т. X, 7. 1 ст. 78., примѣч.“

в) „Въ виду того, что закономъ 3 мая 1883 года дарованы раскольническимъ религиознымъ общинамъ права религиозныхъ корпорацій частнаго характера, *и раскольническіе браки, не записываемые ни въ метрики, ни въ сказки десятой ревизіи*.... также *должны быть приравнены бракамъ иновѣрческимъ*, заключаемымъ въ терпимыхъ и признанныхъ въ Россіи вѣроисповѣданіяхъ. Въ случаѣ присоединенія къ православной церкви раскольниковъ—супруговъ, *состоящихъ въ такомъ сожитіи*, они *не подвергаются вѣнчанію*, а *благословляются* на продолженіе своего брачнаго сожитія *актомъ* присоединенія, а потомъ записываются въ церковныя метрики мужемъ и женою....
... *быть можетъ было бы надежнѣе и практичнѣе* въ подобныхъ случаяхъ совѣтовать обращающимся супругамъ позаботиться прежде своего присоединенія записывать свой бракъ въ метрическую книгу, установленную для раскольниковъ и потомъ представить присоединяющему ихъ пастырю метрическую выписъ о ихъ бракѣ“ ²⁾.

1) Прав. Собесѣдн. стр. 228.

2) Бердниковъ, Прав. Соб. Окт. стр. 229—230. Последнее изъ правилъ Г. Бердникова представляетъ собою явленіе въ своемъ родѣ достопримѣчательное въ современномъ юридическомъ мірѣ. Ибо тогда какъ законодатель говоритъ ясно, что „брачные союзы, заключенные раскольниками послѣ десятой народной переписи, *записываются въ метрическія книги на точномъ основаніи общихъ правилъ о метрической записи браковъ* рас-

Эти положенія Г. Бердниковымъ высказаны въ самомъ концѣ его статьи, въ формѣ *выводовъ*. Впрочемъ, онъ, по видимому, придаетъ имъ *большее* значеніе; такъ какъ высказываетъ ихъ весьма категорическимъ тономъ и сверхъ того предваряетъ ихъ слѣдующимъ вопросомъ: „*Какого же правила должна держаться практика нашей православной церкви относительно раскольническихъ браковъ въ настоящее время* 1). — Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ и предлагаются выше представленные выводы. Значитъ, они не просто выводы, а *правило Г. Бердникова для современной церковной практики* (т. е. преосвященныхъ архіереевъ и священниковъ).

Такъ и будемъ помнить.....

Не входя въ подробную оцѣнку этого „правила“, мы почитаемъ однако же нужнымъ отмѣтить въ немъ слѣдующіе крупные недостатки, которые такъ сказать, сами собою бросаются въ глаза!

а) Въ правилѣ если не смѣшиваются, то во всякомъ случаѣ не довольно ясно различаются понятія „законности“ и „церковности“ брака. П 2-й правила говорить: „раскольничьи браки, признаваемые законными, не нуждаются въ узаконеніи посредствомъ церковнаго вѣнчанія“..... Конечно, то есть истина святая, что законное въ узаконеніи не нуждается.... Но вѣдь у насъ идетъ рѣчь не объ узаконеніи брака посредствомъ вѣнчанія церковнаго, а объ *освященіи* брака церковнымъ священнодѣйствіемъ и о признаніи его бракомъ *церковнымъ*. Въ томъ и дѣло, что зако-

кольническихъ“ (Свод. X, ст. 78 примѣч. п. 2), проф. Церк. права Г. Бердниковъ находитъ съ своей стороны еще сомнительнымъ такой образъ дѣйствования: *быть можетъ было бы практичнѣе*—говоритъ онъ и проч. И обратно: Законодатель, издавая 3 Мая 1883 года правила относительно раскольниковъ ни однимъ словомъ не коснулся вопроса о раскольничьихъ бракахъ; а проф. Бердниковъ рѣшительно заявляетъ, что „въ виду закона 3 Мая 1883 г. раскольничьи браки, не записанные ни въ метрики, ни въ списки X-й ревизіи... должны быть приравнены бракамъ иновѣрческимъ“.... Что будетъ, если супруги—раскольники, прочтатъ статью Г. Бердникова, начнутъ устраивать свои семейныя дѣла руководствуясь правами, ему предоставляемыми, а не сводомъ російскихъ законовъ?—Вѣроятно, послѣдуютъ разныя практическія непріятности и для раскольниковъ, и для Г. Бердникова.....

1) Прав. Соб. Окт., стр. 227.

номъ 1874 года создано въ нашей церковноюрдической практикѣ такое положеніе, что бракъ можетъ быть „законнымъ“ въ гражданскомъ смыслѣ, но непризнаннымъ и не освященнымъ церковью, по той простой причинѣ, что *узаконяется* этотъ бракъ *только* полицейскимъ (или волостнымъ) управленіемъ: но вѣдь никто въ мірѣ не повѣритъ, чтобы полицейское управленіе *узаконяя* бракъ, въ тоже время и *церковно-освящало* его. Стало быть есть браки законные, но не освященные, не церковные. б) Правило Г. Бердникова слишкомъ унижаетъ силу и достоинство православнаго чина вѣнчанія: ибо во 1-хъ приписываетъ ему только силу „узаконяющую“ бракъ, во 2-хъ выражается, что „раскольники—супруги *не подвергаются вѣнчанію*“ (при извѣстныхъ обстоятельствахъ, см. п. в.). Кто не знаетъ, что православное *вѣнчаніе* есть высокая *честь*, которой *удостоиваются* чада церкви, а не *подвергаются* точно какому нибудь экзамену, или пыткѣ? Внутренняя сила его заключается въ великомъ значеніи его какъ *таинства*—благодатнаго освящающаго средства. Что же касается значенія его какъ средства *узаконяющаго* бракъ; то это значеніе самое высшее и необходимо связанное съ церковнымъ чиномъ: ибо было время, когда и православному чину вѣнчанія государство (не придавало юридическаго значенія, слѣдов. не признавало въ немъ средства *узаконяющаго* бракъ, какъ и въ настоящее время западныя государства такого свойства не признаютъ за вѣнчаніемъ католическимъ, протестантскимъ и всякимъ другимъ.

Не въ качествѣ аргумента, а изъ простой любознательности почитаемъ въ заключеніе не лишнимъ освѣдомиться, какъ думаютъ о значеніи церковнаго вѣнчанія нѣмцы, у которыхъ введенъ обязательный гражданскій бракъ. „Вѣнчаніемъ говоритъ Проф. W. Kahl—служитель церкви удостоверяетъ божественное сопряженіе даннаго брака. Оно состоитъ не просто въ торжественномъ изображеніи божественнаго установленія брака вообще, но есть удостовереніе божественнаго характера именно за этимъ (т. е. вѣнчаемымъ) бракомъ. Такого рода удостовереніе священника вполне отвѣчаетъ исповѣданію брачующихся, что они заключаютъ бракъ свой не иначе, какъ по соизволенію Слова Божія и церкви, и что неразрушать своихъ супружескихъ отноше-

ній иначе, какъ только соотвѣтственно установленію Бога и церкви: ибо что Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ. Этимъ удостовѣреніемъ божественнаго сопряженія брака въ тоже время свидѣтельствуется, что этотъ бракъ есть союзъ нерасторжимый. Конечно, Богомъ сопряжены были и тѣ мужъ и жена, коихъ бракъ не вопреки Слову Божию начался *только гражданскимъ бракозаключительнымъ актомъ*; ибо право государства заключать браки по христіанскому возрѣнію въ послѣднемъ основаніи своемъ имѣеть точно также Волю Божию: *но фактъ божественнаго сопряженія тамъ* (т. е. въ гражданскомъ актѣ) *не былъ торжественно заявленъ государственнымъ чиновникомъ*. По законамъ божественнаго творческаго міронорядка государство и церковь стоятъ рядомъ другъ съ другомъ, какъ различныя жизненныя общенія: поэтому государство отнюдь не становится во враждебное или отрицательное отношеніе къ факту божественнаго установленія брака тѣмъ, что при гражданскомъ бракозаключительномъ актѣ игнорируетъ его; нѣтъ, оно позволяетъ себѣ ограничиваться при этомъ только соотвѣтствующимъ его общественному порядку регулированіемъ брака, какъ мірской вещи; удостовѣреніе же и попеченіе о соотвѣтствіи этого брака непосредственной Волѣ Божіей оно предоставляетъ христіанской церкви. *И должно ей предоставлять*: потому что она выражаетъ христіанское понятіе о бракѣ въ конфессіональномъ различіи ¹⁾с.

Такъ разсуждаетъ о значеніи церковнаго вѣнчанія для гражданского брака нѣмецкій профессоръ права. Русскій проф. Церковнаго права, Г. Бердниковъ разсуждаетъ объ этомъ иначе: Православная церковь не должна принимать во вниманіе обрядъ заключенія раскольникьяго брака, какъ обстоятельство вліяющее на сравнительное достоинство брачнаго союза, только бы раскольникій бракъ удостовѣренъ былъ Полицейскимъ Управленіемъ (стр. 228).

Мнѣніе весьма исключительное!

Н. Зюзерскій

¹⁾ *Dr. W. Kahl. Civilehe und kirchliche Gewissen. Zeitschrift für Kirchenrecht. 1883. VII, s. 335.*